

Сергей Дышев

По сценарию автора романа
снят 8-серийный блокбастер
«Сыщики районного масштаба-2.
Девять апельсинов».
Исполнители главных ролей
Сергей Горобченко,
Алексей Панин,
Сергей Муравьев.

Кладбище для одноклассников

Жанр
детектив

Школа № 2773

Место встречи
Конспиративная
милиейская квартира
Морг

Подозреваемые
Безденежный
Вершинский
Жогин
Заморёнов

Главный
подозреваемый
Колессо

Сергей Дышев

Кладбище для однокла\$ников

«ЭКСМО»

2008

Дышев С. М.

Кладбище для одноклассников / С. М. Дышев — «Эксмо», 2008

В Москве объявился серийный убийца. Оперативники сразу окрестили его «Скульптором»: после расправы убийца закапывал жертву по грудь в землю и обмазывал верхнюю половину цементом, в итоге получалось нечто похожее на бюст. Между первыми жертвами долго не могли найти никакой связи, однако в итоге выяснилось, что все убитые учились в одном классе. Школьная обида одного из учеников 10-А через двадцать лет обрушилась на головы мальчишек злосчастного класса. Но кто этот обиженный? Или обиженная? За что мстит? Под подозрения попадают то один, то другой одноклассник, число жертв растет, и круг подозреваемых стремительно сужается... Оперативники начинают зло шутить, что если им не удастся вычислить убийцу в ближайшее время, он выдаст себя сам: им останется лишь арестовать последнего оставшегося в живых...

© Дышев С. М., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сергей Дышев

Кладбище для однокла\$ников

Глава 1

– Вот я и говорю, тут отродясь никаких памятников не стояло! Я собаку повел гулять. Она меня рано поднимает. А мои дела какие, пенсионерские: собака, потом в магазин к открытию, молока там, творожка купить...

Словоохотливый старичок наслаждался своей ролью.

«Одинокый, наверное, – подумал Савушкин, – даже мрачный повод не помеха, чтоб пообщаться». Он не стал перебивать его, а аккуратно вернул к теме:

– Значит, вас собака вывела на это место?

– Она и вывела. Я ее не стесняю, мы с ней привыкли не стеснять друг друга, уважаем желания каждого. Вот она и привела сюда, не знаю, что ее взволновало... Этот дом уже второй год под снос, бывает, что бомжи здесь ночуют. А ночью сюда никто не сунется, темнотища, ни одного фонаря. Раньше, до революции, здесь притоны разбойные были... А сейчас новые русские хоромы строят с бассейнами. – Он кивнул в сторону площадки, где бригада негров реставрировала в современном стиле старое здание.

– Пять минут на машине до Кремля, а такая глухомань, – заметил Михаил Белозеров, старший следователь по особо важным делам городской прокуратуры. – Жаль, натоптать успели...

Он почесал свой утиный нос и покачал головой.

Среди куч мусора, пустых бутылок, банок из-под пива цементный бюст выглядел нелепо и даже комично. Былой кумир, оказавшийся на свалке...

– Я подошел ближе, собака тявкает, – дедуля взъерошил ладонью белые волосы, –глянул, мать честная: кожа проглядывает! Думал, показалось. Отколупнул кусочек: так и есть – человеческая голова! И сразу в милицию побежал звонить... Это же надо, не люди, а звери! Хуже сицилийской мафии! А как вы думаете, Никита Алексеевич, это из-за дома этого, из-за места убили его? Разборки?

– Разборки... Памятник самому себе! – мрачно ответил Савушкин. – Такого в моей практике еще не было... Цемент свежий, скорей всего сегодня ночью убили.

Он взгляделся в черты покойника. Местами цементное покрытие было не толще бумаги. Скошенный лоб, выпяченные надбровные дуги, ежик волос, выдвинутая крупная челюсть. Явно не аристократического происхождения, простолюдин, как говорили раньше.

Рядом была выкопана небольшая яма, в которой готовили раствор, брошенный мешок из-под цементной смеси. Пока эксперт-криминалист снимал отпечатки обуви на глинистой земле, Савушкин изучал странную находку, обнаруженную рядом с трупом: старое подростковое пальто фасона 80-х годов. Он вывернул его наизнанку, но кроме бирки «фабрика „Большевичка“», ничего определенного не нашел.

– Пальто это тоже здесь лежало? – спросил Савушкин у старика.

– Лежало.

– А вчера утром оно тоже здесь лежало? – уточнил он.

– Не могу знать. Мы в таких местах не гуляем...

– Специально подбросили, чтобы мы подумали, что убийство совершено подростками? – заметил Белозеров. – Слишком просто.

– Но пальто подбросили именно *они*, – заметил Савушкин, – на том месте, где оно лежало, следы цемента. Следовательно, его подбросили сразу после всех этих цементных дел... Неужто

нужно было кому-то еще возле этой головы бросать свое пальто? – Он обратился к Сергею Кошкину и Игорю Вьюжанину, недавним выпускникам юрфака: – Съемку закончили, отпечатки обуви готовы?

– Закончили, товарищ майор.

– Если прокуратура не против, – Савушкин повернулся к Белозерову, – будем выкапывать «скульптуру». Без лома, чувствую, здесь не обойтись... Ребята, – попросил он молодых коллег, – сходите на стройку, попросите у прораба инструменты. А то покаждемся...

Белозеров достал сигареты, Савушкин вздохнул, кашлянул:

– Дай и мне тоже! Все бросаю... А как выведу на убийство, и уж сколько их было, не счесть, не могу удержаться... Нет, к этому привыкнуть нельзя. Уроды! Ну убили, так нет же, покуражиться надо, обмазать цементом, специально все для этого подготовить. Неужели это может доставлять удовольствие?

– Может. У них это что-то вроде профессионального увлечения. Помнишь маньяка, девятнадцать душ загубил, в большинстве – пожилые женщины... Так вот в морге он увидел отсеченную руку, для дактилоскопии делали отсечение, посетовал, с таким, как бы это сказать... превосходством: что ж такие неровные края? Я вот голову ножичком «лисичка» ровненько отрезал... Только бог знает, откуда они берутся... У того типа были родовые травмы головы. Может, повлияло. А с виду нормальный, начитанный, увлекался искусством, даже написал фантастическую повесть про общество будущего. С картинками. Читаешь – ребенок ребенком...

– Помню, – Савушкин поморщился. – Его еще не расстреляли?

– Сидит в Бутырке в камере смертников. Ждет помилования.

– И помилуют! Он же бедный и несчастный, начитанный, – заметил Никита.

– А тут явно демонстрационный характер, – переменял разговор Белозеров. – Чтобы не только убить, но и запугать других. А кого? Братанов-подельников? Выкопаем, а потом посмотрим характер ранений...

С ребятами-спецами пришли трое: мужчина лет сорока в кепке-американке и двое чернокожих. Они несли инструменты.

– На кой черт привели? – рассердился Савушкин. – Их только не хватало!

– Решили сами помочь милиции! – прогудел мужик. – Ребята справные, любую задачу выполнят. – Он присмотрелся и обмер: – Неужто голова? Живая?

А сыновья горячего солнца, разглядев страшную голову, залопотали, закурлыкали, замахали белесыми ладошками, кокетливо прикрывая глаза, и белый хозяин развел руками:

– Испугались, теперь никакой шаман их не заставит. Пошли вон отсюда, белоручки!

Негры ушли, шагая в ногу, а соотечественник, поплевав на ладони, взялся за лопату.

...Вернувшись в управление угрозыска, Савушкин первым делом зашел к начальнику отдела Брагину. Тот что-то писал, рядом трещала включенная портативная радиостанция.

– А-а, боевой зам! Заходи!

Брагин был полной противоположностью Никите. Жгуче-черный, невысокого роста, располневший, он и по характеру производил впечатление легкомысленного, недалекого человека. Чем и подкупал своих «клиентов», неожиданно делая выпад и загоняя в тупик на допросах. Никита же обычно брал измором, потихоньку выстраивая доказательства, словно кольцо крепостной стены. И когда укладывал последний кирпич, обвиняемый, изможденный и потухший, признавал: «Ну, майор, ты упорный. Далеко пойдешь...» Но далеко Никита идти не собирался, прочно сидел на должности заместителя начальника «убойного отдела», специализирующегося на особо тяжких преступлениях.

Савушкин рассказал о преступлении, и Брагин, не дослушав, вынес вердикт:

– Дохлое дело. Явно бандитские разборки. И хрен с ним! Чем больше перебыют друг друга, тем нам меньше работы. – У Константина Ивановича были стойкие убеждения: по

его мнению, бандитские междоусобицы вообще не нужно было расследовать. Ограничиваться регистрацией. Тем не менее он сказал:

– Возьмешь под свой контроль. Чует мое сердце, что скоро объявится еще одна такая голова: в качестве ответного жеста.

– Если это разборки... А если что-то другое? Бытовуха или маньяк действует, – заметил Никита.

– Не торопись. Трупы тебя сами найдут!

Глава 2

Савушкин ждал результатов судебно-медицинской экспертизы. В девять вечера Серега в своей неизменной черной футболке с черепами, такой шик был нынче у молодежи, принес фотографию очищенного от цемента мертвеца.

– Вот, вылупили птенчика. Со скорлупкой пришлось повозиться. И чуть-чуть прическа пострадала.

Никита поморщился. Ему претил этот профессиональный цинизм, но уже давно смирился и не делал замечаний. Тридцать пять лет – еще не повод для старческого брюзжания. «Какой-то кроманьонец, лицо явного дебила», – подумал он о погибшем.

– Смерть наступила от удушения, – продолжил Сергей. – На голове рана с остатками стекла, можно предположить, что его сначала ударили бутылкой.

– Личность установлена?

– Нет.

– Какие-нибудь отличительные признаки, характеризующие особенности?..

– Ничего примечательного, Никита Алексеевич, – развел руками Сергей. – Нет двух передних зубов сверху и снизу, переписали все родинки по телу, пальчики отправили в экспертно-криминалистический центр. Кожа на руках грубая, явный пролетарий.

– Хорошо. Просьба к тебе будет. Отвези фотографию в «Московский комсомолец», расскажи в общих чертах, только без всяких там версий, – сказал Савушкин, а сам подумал: «А версий у меня-то и нет».

...Дома Никиту атаковали дочери Надя и Вера, они трясли у него под носом свои дневники с тройками и пятерками и наперебой жаловались на плохих учителей. Жена Наташа крикнула из кухни:

– Ники, ужин разогревать?

– Разогревай, я только душ сначала приму...

Под прохладными струями он почувствовал, как уходит усталость, вместе с водой медленно всасываясь в отверстие. «Надо прочистить сток и кусок обоев в кухне подклеить. И что-то еще... Забыл», – рассеянно подумал он.

Наскоро вытершись, он набросился на молочную сосиску. Жена молча наблюдала за ним, а он знал, что за чаем она поинтересуется, как прошел день, и ему придется говорить что-то обтекаемое, потому что разговоры об убийствах, по словам супруги, разрушали и без того хрупкую ауру семьи. Тем не менее Наталья всегда внимательно выслушивала его рассказы. И он понимал природу этого интереса. Смерть, как всякая отталкивающая, неприемлемая живому организму субстанция, имела и обратную, притягательную силу. Потому люди и страдают тайным болезненным интересом к убийствам и необычным смертям... Если он не сильно уставал, то старался придавать этим историям занимательную форму, иногда привирал, в конце концов, подробности были не так важны, как сам рассказ, в котором преступник всегда оказывался за решеткой. Увы, зачастую было наоборот, и далеко не все заказные убийства заканчивались судом и наказанием.

Но он не успел рассказать про цементную голову – раздался телефонный звонок. Они переглянулись: в это время могли звонить подружки дочерей, а потом подолгу болтать о девичьих тайнах.

– Папа, это тебя! – сказала младшая дочка, заглянув на кухню.

Никита чертыхнулся, взял трубку. Звонил дежурный, сообщил, что нашли еще один цементный бюст.

– А так как вы занимаетесь схожим делом, мы решили вас известить. Явно тянет на серию.

– Хорошо. Где это? Пусть за мной заедут...

– Ты куда? – спросила Наталья.

– Ловить удачу.

Он медленно положил трубку, жена вспыхнула:

– Ну, сколько это может продолжаться? Не мог отказаться? Кто это звонил? Дежурный? Ты посмотри на себя! Ты стал таким же зеленым, как твои мертвецы! Ты скоро отправишься вслед за своим предшественником...

Никита промолчал. Жена имела в виду Валеру Сергеева, который в тридцать пять умер не от пули – от внезапного инсульта и портрет которого уже два года как стоит в отделе... Наталья была права, и по-женски, и вообще по жизни. Он жил в жестоком извращенном мире, в котором правили бал убийцы и неотмытые мертвецы. И те, и другие иногда приходили к нему во снах. Савушкин был сыщиком «убойного отдела», правда, он не терпел этого обидного названия. Убийцы убивали, оставляя им напоказ зачастую страшно изуродованные трупы. А сами исчезали в ирреальном небытии. Огромный город-монстр, гигант, проглатывал преступников бесследно: прыгни на ленту эскалатора – и ты уже далеко в черной трубе метро.

Многие не выдерживали напряжения, нервного трепка, полного отсутствия выходных, и – уходили: в другие отделы, да куда угодно. Оставались ненормальные. Они сами себя так называли, потому что терпеливо жили этой жизнью и не могли уже и не хотели ее менять, и пахали за 15 тысяч «деревянных» без надежды где-нибудь подработать. Рвачей высчитывали сразу – и выгоняли одним пинком...

На этот раз «бюст» обнаружили на окраине Измайловского парка. Они долго кружили по аллеям, пока не разглядели за деревьями неподвижный свет автомобильных фар. Никита вышел первым, за ним – неразлучные Игорь и Сергей.

– Майор Савушкин с Петровки, – назвал он себя выскочившему из темноты лейтенанту и сунул ему руку.

– Оперуполномоченный лейтенант Петушков!

Свет фар был направлен на голову, цемент мертвенно белел, и выглядело это еще более зловеще, чем в прошлый раз.

– Чем занимаетесь?

– Ждем специалистов! – бодро ответил лейтенант.

– Что это за люди? – раздраженно спросил Савушкин. – Чего вы все ходите кругами вокруг трупа, элементарных вещей не сделали?

– Это понятые, очевидцы! – обиженно ответил Петушков.

– Обеспечьте хотя бы охрану места происшествия. Тут зевак уже набежало... Кого присылают!

Ритуал убийства был совершен по тому же сценарию: труп, зарытый по грудь и обмазанный цементом. На глазницах убийца укрепил две пуговицы, и казалось, что голова смотрит распахнутыми от ужаса глазами. Рядом – ямка с остатками засохшего цемента.

– Куражится, гад! – пробормотал Савушкин и отошел в сторону, чтобы не мешать коллегам. Они ползали с фонарем, осматривали землю. Посмотрите, там, где цемент расплескан, фрагмент отпечатка подошвы.

Позже приехал Белозеров. Ему тоже сообщили о второй голове.

– Я думаю, Михаил Иванович, – Савушкин неожиданно для себя развил рациональную мысль Брагина, – что если бандиты таким образом решили делать свои бандитские разборки, то это очень неплохо. Это не пальба в центре города, когда пули летят во всех подряд... Я на месте Лужкова выделил бы даже специальную территорию.

– И оставалось бы только ставить в рядок таблички: «Сидоров Иван Иванович. Вор в законе с такого-то года. Закопан такого-то числа и года...» – усмехнулся Белозеров. – Но до такой благодати нам не дожить. Кстати, личность первого не установлена?

– Пока нет.

– Еще один железный «висяк»?

– Как говорит мой начальник, нет нераскрытых преступлений. Есть пока нераскрытые, – заметил Савушкин. Он чувствовал, что переполнен злой отрицательной силой и одновременно бесшабашным настроением: понимал, пошли серийные убийства, а значит, покоя вообще не предвидится. Понимал это, естественно, и Белозеров, он заметил:

– У прокуратуры насчет нераскрытых преступлений иное мнение: «висяк» не яблоко, может висеть бесконечно.

Потом Игорь и Сергей вытащили из «рафика» припасенные лопату и лом, начали выкапывать покойника, освободить от цементной «манишки».

– Чем милиционер отличается от могильщика, знаешь? – постукивая ломом, спрашивал у товарища Сергей. – Могильщик закапывает, а милиционер откапывает...

У убитого при маленьком росте была непропорционально большая голова.

Домой в ту ночь никто не поехал: не было смысла. Пару часов поспали на диванах и взялись за оформление документов. Мертвецы – мертвецами, а бумаги – живее всех живых.

Глава 3

Утром Брагин собрал отдел и объявил, что два последних преступления дают основание считать, что появился серийный убийца, а возможно, и группа преступников. Ясно пока одно: труп, а также цемент, ведро, лопату привозят на машине марки «Жигули». Четкие следы отсутствуют или уничтожены. Он предложил дать преступнику кличку Скульптор и разработать несколько вариантов поиска:

– Первое. Проверить всех сумасшедших из среды творческих людей – неудавшихся ваятелей, студентов художественных вузов с поехавшей крышей. Поручим это молодым сотрудникам. Вариант с бандитскими разборками прокачаю я сам. А ты, Никита Алексеевич, возьми на себя подростков, у тебя в этом богатый опыт. Возможно, это убийства без четкой мотивации. Кстати, выясни, где мог быть приобретен цемент.

Весь день Савушкин отработывал версию, подброшенную Брагиным; созванивался со старыми знакомыми, молодежными лидерами рокеров, сатанистов, брейкеров, панков – многие из них, впрочем, уже потускнели и обзавелись семьями. Он пытался прощупать, не появились ли на небосклоне неформалы с особенными, какими-нибудь навороченными ритуалами... «Нет, – отвечали умудренные нонконформисты, – ничего новенького нет. Одна туфта... Вот в наши годы – это был ураган!»

Вернувшись за полночь, он не стал ужинать: не было сил. А засыпая, подумал, что все версии его шефа – полная чушь. Убийца не подходил ни под одну из категорий. Им двигала изощренная ненависть. Но вряд ли он был сумасшедшим в полном смысле этого слова, тем более, скульптором. Даже умалишенный художник не перешагнет барьер, нет, не убийства, а самоуничтожения: нашлепывать цемент даже на бывшее живое – заведомая мертвечина...

На границе сна он вдруг явственно увидел убийцу: человека с худым, изможденным, но не старым лицом, ему показалось, что блеснуло стекло очков, затмив острый, почти режущий взгляд. Тонкие губы что-то успели произнести молниеносное. Никита, испытывая безотчетный страх, вскочил, сердце вырывалось из груди, он порывисто вдохнул воздух, почувствовав, как заломило в левой части груди и спине. Жена заворочалась, он тихо встал, прошел в кухню, нашел в глубине шкафа припрятанные сигареты, прикурил, открыл настежь окно, порыв ветра бросил ему в лицо занавеску. «В чем природа мести? – подумал он. – Неужели это самая сладкая страсть?»

Он понял, что не заснет, выключил на кухне свет, подошел к окну. А ведь убийца где-то совсем рядом, у него иссушенные цементом руки... Ему снова показалось, что кровавые глаза глядят на него сквозь ветви деревьев. Никита с ужасом почувствовал, что в эту самую минуту в одном из укромных уголков Москвы отрывается новая могила, и он ничего не может сделать.

– Ты чего? – раздалось за спиной.

Никита содрогнулся всем телом.

– Фу ты, напугала!

Наталья подошла и обняла его.

– Зачем ты куришь?

Он хотел сказать, что видел глаза убийцы, но побоялся: Наташка подумает, что у него всерьез поехала крыша...

Утром Савушкин пошел на совещание к начальнику главка, получил энергетическую накачку на новое серийное дело. Потом уселся в штатное кресло, принялся за обычные дела, позвонил экспертам, просмотрел сводки преступлений и происшествий за сутки. Рассеянно прочитал фразу: «Убит при невыясненных обстоятельствах».

Хлопнула дверь. Возбужденный Серега сказал:

– Установили личность убитого!

– Которого?

– Вчерашнего. Нашли в кармане квитанцию из химчистки. Все потерто, но расшифровали: Цуцень В.В. Телефон выяснили. Жена сказала, муж сутки как пропал. Мы ее в первый морг направили на опознание.

– Поехали и мы, – сказал Савушкин.

Патологоанатом попросил непременно показать документы, пояснив, что недавно у них украл труп.

В коридоре на единственном стуле сидела сжавшаяся, будто от холода, женщина. Савушкин каждой клеткой ощутил шквал горя, беды, который исходил от серого тельца. Он прошел мимо остановившихся круглых глаз – и они не задела его, будто были мертвенно-стеклянными.

Они вошли в мертвецкую. «Кому так насолил этот маленький кривоногий человек с непомрно большой облысевшей головой?» – подумал Савушкин.

На черепе покойного чернела гематома, на шее явственно виднелся след удавки. Рядом лежали осколки цемента.

Предстояла меланхоличная тягостная работа. Савушкин вышел в коридор, по лицу женщины текли слезы. Она вздрагивала, невидяще озиралась, будто пыталась осознать, что происходит вокруг.

Савушкин присел рядом на корточки.

– Извините, ради бога, я глубоко сочувствую вашему горю, поверьте, оно и лично меня касается...

– Кто вы?

– Я майор милиции Савушкин Никита Алексеевич. У меня к вам есть несколько вопросов. Если можете, пожалуйста, ответьте. Скажите, ваш муж имел врагов, недоброжелателей? Когда вы его видели в последний раз?

– Позавчера утром. Он ушел на работу и не вернулся... Вася и мухи не обидел, про каких врагов вы говорите?

– Может, он занимался коммерцией, бизнесом, были конфликты с компаньонами?

– Что вы говорите? Он технологом был на мехзаводе. Жалкие гроши получал. А за последние два месяца вообще не заплатили. А ведь у нас трое детей. И что мне сейчас делать? Я не знаю, что мне сейчас делать! Как жить? Ну за что его убили?

Женщина содрогнулась всем телом, закрыла лицо руками, словно желая отгородиться от серых стен морга, настырного следователя, черного горя – первого предвестника беспросветной жизни... Узловатые красные пальцы с торопливо остриженными ногтями, вздувшиеся вены – руки, никогда не знавшие отдыха.

Наконец она опустила их, и Савушкин, боясь потерять момент, протянул ей фотографию первого убитого «из серии».

– Посмотрите, пожалуйста, вам не знакомо это лицо?

Она отрицательно покачала головой.

Никита оставил ей свой телефон и посоветовал немедленно ехать домой.

Серега шел за ним хвостом и молчал. Он был потрясен. Когда видишь горе и его причину рядом, в одной связке, или черствеешь, или ощущаешь, будто острое лезвие до крови режет душу.

– На базу? – спросил Сергей внезапно дрогнувшим голосом.

– Поехали, перекусим чего-нибудь. Тут через три квартала чебуречная есть...

Оказалось, что Савушкина здесь знали. Прыткий Алик радушно изогнулся:

– Никита Алексеевич, милости просим, давненько не был у нас! Как дела? Нормально? Пять минут подождете? Самые горячие... С огня!

Он смахнул невидимые крошки со стола, поставил четыре бутылки немецкого пива, откупорил. Почти моментально появились золотистые «конвертики» с мясом и соком, которые так приятно складывать пополам и впиваться зубами.

– Где работаешь шас? – Алик подсел рядом на краешек стула.

– Бандитов ловлю, – обтекаемо ответил Никита.

– Ох, опасная твоя работа. Почему уходить не хочешь? В охране больше получать будешь...

– Кому-то и бандитов ловить надо. Ты вот за «крышу» платишь?

– Я? Никому не плачу! – гордо вскинул кавказскую голову Алик.

– Врешь ведь!

– Вру! – рассмеялся хозяин.

– Вот видишь, Серега, он нам открыто говорит и даже не укоряет, что мы, менты, не можем его защитить. А если мы предложим ему, так сказать, оградить от «крыши», он откажется. Верно, Алик?

– Кому-то все равно платить надо, – философски ответил Алик.

– Никита, оставим тему?

Белым облаком всплыл официант, беззвучно поставил на стол бутылку «Русской».

– Сейчас еще чебуреки будут! – предупредил возражения Алик.

– Эх, ну как тут завяжешь, а, Серега? – Никита покачал головой, махнул рукой.

Алик тут же хрустнул пробкой. Выпили по полстакана, Савушкин поднялся:

– Пора!

Алик стал уговаривать: чебуреки по спецзаказу будут, но Никита уже помрачнел – работа тянула, как якорь, сброшенный в глубину.

В отделе их ждала новость: бюст № 1 обрел имя. Позвонили с завода имени Ильича и сообщили фамилию: Гниденко Владимир. Уволен два месяца назад за пьянство.

– Это хорошо, – сказал Савушкин, дыша в сторону. – Ищем аналогии, ребята. Связующая нить между бюстами поможет вычислить убийцу. На девяносто процентов вероятность, что это один и тот же человек, или банда.

– А вдруг это пошла мода? – подал голос Игорь. – Во, «Московский комсомолец» написал: «Искусство» неизвестного киллера заставило ужаснуться даже выдавших виды оперативников. Вчера утром в одной из подворотен близ Кремля обнаружен бюст. При внимательном рассмотрении оказалось, что это труп, зарытый по грудь и полностью обмазанный цементом...» Для беспредельщиков и всяких там отмороженных – чем не новая забава?

Савушкин поднял руку, требуя внимания.

– Сергей, поедешь к вдове Цуцени, вытянешь все из жизни покойного, начиная с пеленок. Игорь, ты на завод Ильича. Потом – в семью. То же самое – с молодых ногтей, оценки в школе, медицинская карта, вплоть до алкогольного распада личности.

– И печени, – добавил Сергей.

Глава 4

Еще на первой «проходке», что по-тюремному – прогулка, Жогин заметил, что небо – близко, протяни руку, да еще подпрыгни хорошо, сразу достанешь. А ржавая сетка над головой, ну точно – со времен политзэка Емельки Пугачева, который маялся тут до казни в одной из башен... Только дотянуться бы, да ударить, не жалея кулака, вдруг – проломится? И вот она, воля, дохнет опьяняюще, и уже не страшен свинец в рожке часового, потому как все равно у Жогина расстрельная статья, уж не отвертеться, потому как рецидивист, и восемь отсиженных лет за убийство в драке никак не спишут даже за самое примерное поведение. Не ждать Жогю ничего хорошего от пе-ни-це-тарной (придумали же словечко!) конторы, не нужна живая могила в тюрьме для пожизненных на острове Огненном, за которую хлопочет лучший друг зэков товарищ Приставкин. Нужна воля, потому как смерть берет за «пищак» и давит, давит до хрипоты и блевотины. А вонючие стены камеры высасывают не только соки, выпивают мозги, превращая тебя в тупое и равнодушное животное.

Спалился Жогя по-дурному. Пошел «на домуху» – хату брать. Все чин чинарем: вставил в дверную щель обломок спички, позвонил, спустился вниз. Через десять минут вернулся: спичка торчала на месте. Значит, дверь не открывали. Достал тонко отточенную (по спецзаказу!) стальную фомку, отжал «внутряк» – щеколду замка, резко толкнул. А тут как на грех, старая шамкалка навстречу ползет. Пришлось тем же «фомичом» перешибить бабку, чтоб не хитрила. Она и завалилась без стука. Когда барахло шерстил, не почуял худой сквознячок: входную дверь закрыл неплотно, и кто-то из соседей, проходя мимо, заметил следы взлома. Менты повязали на лестнице вместе с сумками...

Жогя пошел в глухую несознанку, стал «панты крутить»: я, мол, искал хату дружбана, по буху познакомились. «Вижу, дверь настежь, старуха валяется, кто-то клацнул. Ну, думаю, чего добру пропадать...» «Не лепи горбатого, Жогин! – сатанел следователь. – Подписывай и не трави душу. На мне еще семь трупов висят!»

В камере – семьдесят рыл от пола до потолка, не вздохнуть, не охнуть, пот и сало на стенах, сон по очереди. Сокамерники прозвали его за убиенную старушку Раскольниковым. Но в отличие от рефлексирующего студента Боря Жогин никогда не страдал угрызениями совести. Он с детства считал себя всегда правым и находил простое и легкое оправдание всем своим поступкам. Когда отнимал деньги, пояснял, что пацаны должны с ним делиться, так как его папаня все пропивает. Позже, когда сформировался его квадратный череп с двумя шишками на лбу и такими же на затылке, еще более выдвинулась вперед челюсть, Жогя пошел на разбойные дела, окончательно укрепившись в мысли, что все люди – это твари. До первой ходки у него был любимый афоризм: «СССР – палата № 6. Человек человеку – волк. Все люди – б...»

Жогина два раза возили на место убийства – устраивали ему следственный эксперимент. Два раза хозяин квартиры, лысый мужичок, закатывал истерику, порываясь вцепиться ему в горло, требуя немедленной смертной казни. Жогин тупо смотрел на плохо отскобленное пятно на полу и ни в чем не сознавался.

Вернувшись, медленно хлебал вечернюю шленку – жидкую кашу – и думал, думал.

Гадкие предчувствия томили его: не выйти ему из этих стен. Приговор по исключительной мере – и единственное «новоселье», самое страшное место в Бутырке, где обитатели почти не видят живого света: коридор № 6: четырнадцать камер, где содержат смертников и куда путь ведет через десяток стальных дверей... Там переодевают в «полосатку» – и оттуда уже не убежишь, разве что через трубу крематория...

Утром Жогя проснулся и понял: что-то должно случиться. Он почти не тронул разваренный горох, хлебнул мутного чая. Наконец повели на долгожданную прогулку. Вертухай отсчи-

тал шестерых, руки за спину, вперед – марш. Прогулка только называлась прогулкой: зэков запирали в квадратном боксе четыре на четыре метра...

Они прошли длинный коридор, на каждом повороте железные двери с грохотом отсекали от них пути побега.

После камеры в каменной квадратной клетке дышалось хорошо и привольно. Июньская погода в Москве переменчива, но сегодня ярко светило солнце, и сетка не мешала чувствовать пряный ветер цветущего лета.

– Эй ты, бивень! – Жога толкнул сидящего на корточках увальня лет двадцати. Тот вздрогнул, медленно выходя из прострации. – Встань, когда с тобой разговаривают!

Парень покосился на запястье Жогина: змейка, обвивающая кинжал, – поднялся.

– Встань здесь, – показал Жогин на угол. – Пальцы в замок, руки ковшиком, подсадишь меня.

Парень подчинился. А Жогин ступил на подставленные руки, перебрался на плечи, уперся руками в сетку, стал бить кулаком. Лишь бы вертухай не заглянул! Вот она, воля, три метра от пола шершавой цементной штукатурки, обнажившаяся кирпичная кладка сверху, только пронзить эту проклятую сетку...

– Все, не могу! – Парень присел, будто сломался. – Мне за тебя срок добавят!

Жога спустился на землю, ухватил увальня за грудки:

– Ты у меня в камере петухом кукарекать будешь! Не знаешь законов воровского братства?

Он ткнул пальцем еще в одного зэка, помоложе:

– Братишка, помоги, мне выпулиться надо, статья расстрельная. Больше шанса не будет. А увидимся на воле – отблагодарю!

Двоем подняли, и случилось чудо: разбив в кровь кулаки, Жогин из последних сил уперся своей шишковатой головой в ржавь сетки, она хрустнула, Борис отогнул уголок, просунул голову, огляделся. Метрах в пятидесяти увидел будку с часовым. Разморило его: присох к деревянной стенке и не шевелится.

– А ну, подбросили, братва!

Все бросились на помощь, и Жогу вытолкнули на волю. Верное слово – выпулился!

Он змеем пополз по подмосткам с перилами, мимо соседнего кубика, где хмелела от воздуха другая группа прогуливающихся зэков. У них не было воли, а Жогин полз к ней, чувствуя, желая ее, как рыба, выброшенная на берег и жаждущая попасть в спасительный океан. Он сполз с подмостков, пересекающих крышу, остро пахнуло горячей смолой. Слева от него тянулась сплошная спираль «егозы» – фигурной колючей проволоки, зацепишься – не отпустит.

Жогин встал, не оглядываясь, пошел по кромке стены; позади остался внутренний двор тюрьмы. Он вышел на внешний периметр, вдруг спиной почувствовал мушку прицела, судорожно оглянулся. Кажется, не заметили... «Егоза» отсвечивала на солнце миллионом штампованных зубцов, готовая вцепиться и вырвать не кожи клочок – душу. Какое-то мгновение Жога колебался, но страшнее был холодный сумрак шестого коридора; он разбежался и, от страха сжавшись, прыгнул через ограждение, камнем рухнул вниз, в никуда.

Земля не разбила его. Он упал, завалившись на бок, тут же вскочил, почувствовав резкую боль в теле, в ступнях. Хорошо, ботинки были на толстой подошве, иначе переломал бы ноги. Затравленно глянул на забор, ожидая пули, шикнул на проходившую рядом женщину, та ойкнула, и, не оглядываясь, побежала. Нетвердыми шагами вышел из подворотни, еще не веря в спасение, чуть не упал, наступив на жестянку от пива. Сердце вырывалось из груди, он задыхался. Все происходило будто не с ним, а тюрьма была дурным могильным сном. Жога посмотрел на разбитые в кровь руки, при падении он вымазал их, отряхнул штаны. Московские менты любят цепляться к тем, кто в грязной одежде. За забором надрывно завывала сирена, Жогин дернулся всем телом, на лбу выступил пот. «Главное, спокойно, спокойно, пройти до

следующего двора, а там чесать во все пятки». Он ускорил шаг, свернул на боковую улицу, спустился по лестнице, прошел по безлюдной улице, оглядываясь на каждую машину, и вскоре вышел к парку. Это был сад имени Фрунзе, ухоженное местечко с прудом для прогулок армейских чинов. Череп, никогда не страдавший комплексами, все же уразумел, что его блатная рожа будет сильно выделяться на фоне прилизанных лужаек. Он поторопился уйти в другую сторону. Москву Жога знал плохо: как отсидевшему, ему запрещено было жить в столице. Приезжал сюда исключительно для того, чтобы бомбить хаты.

Теперь он блукал по переулкам, общественный транспорт был для него заказан: самое дурное – попасться контролерам. У Жоги не было ни гроша в кармане. Он боялся спросить направление, это все равно, что сознательно оставлять следы: ведь менты уже ищут его как угорелые. Ух, у кого-то полетят звезды! От этой сладкой мысли у Жоги даже мурашки поползли по спине.

Глава 5

Ничего утешительного юные сыскари не сообщили. Ни аналогий, ни дедукции, ни индукции... Пустота. Хоть закрывай дело и пиши: «немотивированное убийство». Но подобные вещи не проходят... И с такой вольной трактовкой никакая, даже самая демократическая прокуратура не согласится. И Михаил Иванович, хоть и друг, но вскипит, обзовет страшным словом «лентяи», примчится и будет выкручивать и перекручивать все факты, сведения, показания по новой.

Целый день Савушкин пытался вернуться к делу, но понадобилось срочно приводить в порядок бумаги по новокузнецкой банде киллеров, которые методично уничтожали друг друга после каждого удачного (или неудачного) заказного убийства. И перестреляли бы, если бы не родная милиция, заботливо рассадившая оставшихся в живых по камерам СИЗО.

А после восьми вечера его вдруг потянуло в семью, жена позвонила и каким-то непривычно сладким голосом поинтересовалась, когда вернется родимый муженек... Закрыв кабинет и ушел.

Оказывается, у них с Наташкой была годовщина свадьбы. А он забыл. Порывался сбежать за цветами, но супруга, вздохнув, сказала, что уже купила сама...

Потом Никита долго не мог уснуть. Полная луна холодным огнем висела в небе, наконец он понял, что именно этот мрачный свет вызывает у него подспудную тревогу. Он встал, задвинул занавески. Но сон не шел. Никита вспомнил омертвевшее лицо вдовы. Непричесанное горе, жалкое тело кормильца, над которым так неожиданно и изощренно надругались. Неужели был смысл в двух пуговицах на месте глаз? А какой тайный знак в подброшенном подростковом пальто? Вопросы летали прозрачными крючками, кувыркались, уже почти не зацепляя сознания. Никита почувствовал, как проваливается в темную бездну, где-то вдали, вроде искорки, мигнул испуг... Это был и не сон, и не явь – тяжелое дремотное состояние, вырваться из которого не имел сил и желания. Тени и лица заскользили перед его взором, будто в тумане, напряженные, что-то вопрошающие, перекошенные, с белыми глазами – наверное, выжженные ненавистью. Эти лица и фигуры вдруг обрели почти ясную, осязаемую плоть – только руку протяни. «Не лезь сюда!» – услышал он громко и резко над ухом.

Под утро, перед самым рассветом, он проснулся. Простыня и подушка были сырыми от пота. Во всем теле ощущалась болезненная ломота. Он вспомнил о мучивших его всю ночь видениях, попытался восстановить их в памяти, но, как ни напрягал волю, воображение, пытаясь чисто ассоциативно ухватить тонкие обрывки полусна-полужива...

До восхода солнца он крутился на влажных простынях, и чем светлее становилось за окном, тем все более блеклыми и никчемными становились его ночные видения, страхи, навяздения. Вот только ломило всю левую часть груди. Но невроз – привычное дело для сыщика.

Никита еще полчаса лежал в постели, тихо встал. Жене нужно было во вторую смену, поэтому он не стал ее тревожить. Надел спортивный костюм, вышел на улицу. Только-только прошли поливальные машины, дышалось хорошо и свежо. Но сделать пробежку не хватило мужества. «К кому бы сегодня сходить на прием – к психиатру, парапсихологу или экстрасенсу?» Есть знакомый психиатр в эмвэдэшной поликлинике, но к нему лучше не обращаться: весь угрозыск сразу узнает, что у Савушкина чинили «крышу». Причем безуспешно. Уж лучше к знакомым психотерапевту или парапсихологу. Модно, черт побери. И как с мента много не возьмут...

Никита позвонил психотерапевту, но тот улетел отдыхать на какие-то труднопроизносимые острова. Оставался парапсихолог, который не любил, когда его называли экстрасенсом. Савушкин позвонил ему, и парапсихолог после паузы сказал, чтобы приезжал прямо сейчас.

В последнее время Павел Григорьевич Осмоловский принимал дома. Когда-то он помог Савушкину найти исчезнувшего мальчика, пользуясь лишь фотографией и картой Московской области. Никита до сих пор с благоговением вспоминал, как профессор попросил его покинуть комнату, а сам, прихватив стакан горячего чая, уединился, чтобы полностью сосредоточиться на экстрасенсорном поиске. Вскоре Павел Григорьевич вышел: «Жив мальчик, лежит без сознания в лесу недалеко от Барвихи». Тут же организовали поиски – и действительно нашли. Оказалось, что мальчик, не спросив разрешения, поехал к родственникам, отравился лесными ягодами... Потом Осмоловский еще дважды помогал сыщикам – уже выйти на след преступников. После чего наотрез отказался, пояснив кратко, но исчерпывающе: «Слишком продажное время наступило...»

– Здравствуйте, молодой человек! – На желтом скуластом лице – ни эмоции. – С чем пожаловали?

«Наверное, думает, что опять буду просить помочь в розыске преступников... Интересно, может ли он читать мысли?» – мимолетно подумал Савушкин.

– У меня к вам вопрос личного характера. В последнюю неделю меня мучают головные боли и кошмары.

– Сядьте и расслабьтесь! – Осмоловский показал на кресло. – Можете закрыть глаза. Я сейчас попытаюсь посмотреть тонкий уровень вашего информационного поля.

Некоторое время он молчал, сосредоточившись, потом вытянул перед лицом Савушкина ладони, он почувствовал что-то похожее на тепло, руки плавно опустились вниз, затем профессор вновь поднял их и возвел над головой Никиты.

– У вас чистая карма, – наконец заговорил Павел Григорьевич. – Но есть человек, который сильнее вас в данной ситуации. Он хочет вам зла. Его направленные отрицательные эмоции и агрессия прорвали ваше поле. И хорошо, что вы ко мне обратились... Я дам вам немедленную разгрузку, вы заснете, а мне придется восстановить разрушенные полевые структуры.

– Это так серьезно? – недоверчиво спросил Савушкин. Он чувствовал себя недотепой-троечником, который попал в компанию вундеркиндов.

– Очень серьезно, товарищ майор! – резко ответил Осмоловский. – При подобных повреждениях человек через неделю-другую имеет обыкновение внезапно умирать, а наши замечательные врачи бестрепетно ставят диагноз «пневмония» или что-то в этом роде.

Савушкин вспомнил о своих болях в левой стороне груди.

– Молчите, я все вижу! – оборвал профессор.

Через пару минут Никита погрузился в гипнотический сон.

...Когда он очнулся, почувствовал, будто искупался в кислородной ванне. Павел Григорьевич, побледневший и осунувшийся, сказал:

– Выслушайте мой совет, молодой человек. У вас тяжелейшая работа, кто-кто, а я это прекрасно вижу. Знаю, что многие ваши коллеги погибают не только от пуль. Не менее страшны для всех вас направленные отрицательные энергии. Помните правило, пусть оно будет вести по жизни: никогда не думайте плохо, с ненавистью, с презрением о людях, и, я подчеркиваю, в том числе – и о преступниках. Да-да, не удивляйтесь и не возмущайтесь! Ответная реакция, атака по законам отражения может оказаться для вас еще более мощной, агрессивной – и в конце концов губительной для вашего здоровья.

– Так что же, любить их прикажете? – не выдержал Савушкин.

– Я этого не говорил. Речь идет о вашей целенаправленной агрессии, от которой можете пострадать сами. Относитесь к преступникам ровно, как к рабочему материалу.

– Честно говоря, у меня голова кругом идет.

– Вам, Никита, наверное, приходилось терять друзей?

– К сожалению...

– И вы, конечно, знаете о несправедливой закономерности: хорошие люди часто несчастливы, тяжело болеют, уходят раньше? А объяснение в том, что их болезни и несчастья как бы блокируют все то черное, что скрывается в их сердцевине, или досталось от прошлой жизни. А негодяи и мерзавцы, наоборот, живут припеваючи, потому что, как правило, им достается от прошлой жизни чистая сердцевина... – Профессор задумался, покачал головой. – Меня многие считают чудаковатым, но предпочитают не спорить, потому что я вижу болезнь и справляюсь с ней. Но при этом лечу, кстати, не ее, а человека.

Никита вышел на улицу и подумал: «Вот попробуй объясни начальнику: задержался потому, что мне исправляли полевые структуры! А он еще переспросит: „Половые?“»

Глава 6

Брагин с ходу накинулся на Никиту:

– Ты где пропадаешь? Тут дикое ЧП! Всех на уши поставили: депутата Госдумы Столетова убили...

– И тоже цементом обмазали?

– Мне, Никита, не до шуток!

– А я не шутил... Кстати, я у врача был. С нервами чего-то нехорошо, и сердце прихватило.

– Давай, поезжай на подкрепление, там наши уже с утра крутятся, – распорядился Брагин, пропустив мимо ушей жалобы на здоровье.

– Скажи хоть, что там произошло? – спросил Савушкин.

– Размозжили череп бутылкой шампанского. Кровь с пузырями...

Никита понял, что, если он вовремя не появится на месте крови, люди, не любящие его, сделают все, чтобы подставить его. Слишком подлые нравы пошли, слишком пусто в душе у тех, кто хочет перехитрить время. Но им останется лишь волна, которая рождает лишь пену. Она оближет пятки и не оставит следов...

После общения с профессором он чувствовал обновление и неестественное возбуждение. И странные образы приходили в голову.

Никита опоздал. Все ушли. Даже след крови старательно подтерли. Номенклатурный дом, наученные «шестерки»...

Он вошел в подъезд и попытался представить, как могло произойти убийство. «Иной раз пустая сцена несет больше смысла, чем спектакль, происходящий на ней», – подумал Никита.

В этот раз он изменил себе, не стал посещать юдоль печали – морг. Человек заблуждается, когда пытается, глядя на мертвые уста, получить ответ. Он сознательно не пошел на следующий день на работу, он уже знал, как бороться со страхами, которые его одолевают. Он знал, что «розочка» – горлышко от бутылки шампанского, безжалостно разбитой о голову депутата, ничего не скажет, нужно будет только строить версии, и уж понятно, что ни одна из партий не возьмет на себя ответственность за дикое убийство. «Подъезд как подъезд. Никогда вещь в себе не раскрывается по наитию. Но пацаны не хотят слушать голос мостовой...» Никита сел на бордюр, вытащил из сумки-микрошки шапчонку, напялил на голову и превратился в полубомжа, в полуинтеллигента. Что-то вроде разведчика.

Он подождал, пока его начнут замечать. Самое главное – превратиться в существо, не отличающееся от стен дома. Вроде всегда здесь торчал этот неказистый алкаш...

– А чо, пацаны, грохнули тут кого-то сегодня? – спросил он у подростков, которые по очереди смолили сигарету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.